

Город как культурно-исторический феномен в работах О. Шпенглера и Н. Анциферова

Шишкина Лидия Ивановна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры филологии и журналистики
Кандидат филологических наук, доцент
lidia_shishkina@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается проблема города как культурного феномена XX в. В частности, исследуется концепция немецкого философа О. Шпенглера, который в своей книге «Закат Европы», сформулировав теорию «локальных культур», заложил основы нового понимания города как социально-культурного организма, ввел понятия «душа культуры», «душа города», нашедшие отражения в новаторских градоведческих исследованиях русского историка и краеведа Н. П. Анциферова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

культура, цивилизация, город как социально-исторический организм, «мировой город», «душа города», «душа Петербурга»

Shishkina L. I.

The City as a Cultural and Historical Phenomen in the Works of O. Spengler and N. Antsiferov

Shishkina Lidia Ivanovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Philology and Journalism
PhD in Philology, Associate Professor
lidia_shishkina@mail.ru

ABSTRACT

The article deals the problem of the city as a cultural phenomenon of the twentieth century. In particular, it explores the concept of the German philosopher Oswald Spengler, who in his book «The Decline of Europe», formulated the theory of local cultures, he laid the foundations for a new understanding of the city as a socio-cultural organism, introduced the concept of «the soul of culture», «soul of the city», reflected in innovation research of the Russian historian and ethnographer N. P. Antsiferov.

KEYWORDS

culture, civilizations, the city as a socio-historical organism, «soul of the city», «the soul of St. Petersburg»

В заключительных тезисах диссертации «Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций», защищенной в 1944 г., известный историк и градовед Н. П. Анциферов сказал: «Наша эпоха разрушительных войн с особой силой поставила задачу всестороннего изучения родной культуры, в том числе и городов как выразителей этой культуры и как ее очагов» [4, с. 484]. Действительно, историко-культурный дискурс начала XX в. отмечен повышенным вниманием к новому явлению — *городу*, который начинает рассматриваться как особый социальный, исторический и культурный феномен. Разгоревшийся интерес к урбанической теме был связан не только с великими потрясениями XX в., но с характерными

тенденциями развития культуры, переродившейся в цивилизацию, определившую стремительный рост индустриальных городов. Современный город, воспринимавшийся своего рода эмблемой цивилизации с ее культом научно-технического прогресса и материальных благ, торжеством унифицированного человека-массы, космополитизмом и техницизмом, притягивал художников и мыслителей. Не случайно именно в первой четверти XX в. начинается систематическое и синтетическое изучение города в исследованиях М. Вебера, Ф. Броделя, И. М. Гревса, Н. П. Анциферова и др. Его загадку пытались постичь западноевропейские, американские и русские писатели (Э. Верхарн, Р. Роллан, Г. Уэллс, Э. Синклер, Л. Андреев, В. Брюсов, Е. Замятин и др.).

При этом в восприятии города складывались некие общие тенденции. Уже в ранней работе Ф. Энгельса «Крупные города» были отмечены его характерные приметы: «Это колоссальная централизация, это скопление двух с половиной миллионов людей в одном месте...»; его враждебность человеческой личности: «Уже в одной уличной толкотне есть что-то отталкивающее <...>. Это жестокое равнодушие, это бесчувственное сосредоточение человека исключительно на своих частных интересах тем противней и оскорбительней, чем более эти отдельные лица скопляются в одном небольшом пространстве. И если мы знаем, что эта обособленность каждого, этот ограниченный эгоизм есть основной принцип нашего современного общества, то нигде это не выступает так обнаженно и нагло, как именно здесь, в сутолоке большого города... И вот почему здесь открыто провозглашена война, война всех против всех» [7, с. 320–321].

Новый поворот в мировой урбанистике произвел О. Шпенглер, предложив рассматривать город как исторический и культурный феномен. В своей знаменитой книге «Закат Европы» (1918) Шпенглер представил концепцию «локальных культур», расцветающих, подобно живым существам высшего порядка, «на лоне своего родного ландшафта». Подобно живым организмам, культура имеет живую душу и проживает сходные этапы своего существования: рождение, расцвет и постепенное угасание. Создавая «портреты культур» на основе выявления «прасимволов» каждой из них, Шпенглер утверждал, что первичным символом всякой культуры является *пространство*, определяющее характер и природу всех остальных культурных форм. Для доисторических культурных типов таким пространством является природный ландшафт — своего рода материнское лоно культуры. Этим объясняется привязанность человека к Матери-земле, которая находит выражение в образе крестьянского *дома* — великом символе оседлости, пускающем, подобно растению, корни в собственную почву.

Если для человека ранней хтонической культуры важнейшей формой его бытования был *дом*, то для исторического человека развитой и сложной культуры таковой становится *город*. Все великие культуры, по мнению философа, — это культуры городские, и их внешние формы: государство, наука, искусство, политика и религия — покоятся на единственном прафеномене — *городе*. По мысли философа, на ранних этапах человеческой культуры, когда господствует картина ландшафта, города возникают стихийно, подобно растению, укорененные в почве. По мере взросления человечества возникает исполинский город — мировая столица, город «как мир», который сам создает ландшафт и сам определяет ход и смысл истории.

Подобно культуре, город у Шпенглера тоже живое существо, имеет неповторимую и загадочную душу. Рождаясь, она проходит свое становление, выстраивая зримое тело города как единое целое, которое «живет, дышит, растет, обретает облик, внутреннюю форму и историю» [11, с. 93]. Душа города говорит на языке, равнозначном языку культуры. Дорическая колонна и готический собор, дворцы барокко и классицизма, улицы прямые или кривые, широкие или узкие, дома,

своими фасадами-лицами вззирающие на улицы, — в городах Запада, и лишённые окон, поворачивающие улицам свои спины — в городах Востока, самый его силуэт — все это определяет «лицо города»; и выражение этого лица, его «мимика» даёт возможность проследить историю человеческой культуры.

Таким образом, Шпенглер заложил основы нового подхода к пониманию города, актуализированного в науке и искусстве XX в. Его идеи нашли отклик в концепциях русских историков и краеведов. Так, И. М. Гревс задачу историко-краеведческой деятельности видел «в том, чтобы представить город как высшую концентрацию культурной жизни данного типа или эпохи», как «наиболее насыщенное культурное гнездо» [6, с. 4–5]. Понятие «душа города» стала основой новаторских работ Н. П. Анциферова, сегодня ставших классикой петербурговедения.

О внимательном прочтении Шпенглера свидетельствуют названия книг Анциферова: «Пути изучения города как социального организма» (1925), «Город как выражение сменяющихся культур» (1926), «Душа Петербурга» (1922) и повторяющиеся в их текстах понятия: «город как организм», «исторически сложившийся культурный организм», «целостный культурно-исторический организм», «город как социальный организм» и т. д. Подобно Шпенглеру, в своей книге создававшему «портреты» культур, Анциферов пытался пробудить интерес к «портретам» городов, которые позволяют «проникнуть в их существо, понять их «душу» [4, с. 15].

Концептуальные переключки Шпенглера и Анциферова несомненны. Для Анциферова, как и для Шпенглера, город — знак определённого культурного типа. «Город даёт нам наиболее выразительный образ культуры своего времени. Он впитал в себя всю историю связанной с ним страны... Былое просвечивает в нём всюду: в направлении его улиц, в формах его площадей, в силуэтах его куполов и башен, в говоре его граждан <...>. Все накопленное веками слито в нём в едином, целостном облике», — утверждает он в книге «Пути изучения города как социального организма» [5, с. 13].

Предлагая понятие «душа культуры», Шпенглер трактовал его как нечто объединяющее все формы самопроявления данного культурно-исторического типа — то, что позднее П. Сорокин назовет «культурной доминантой». В русле этой трактовки Анциферов формулирует свое понимание «души города»: это «исторически сложившееся единство всех элементов, составляющих городской организм как конкретную индивидуальность» [5, с. 26]. Вслед за Шпенглером, мысля культуру «как нечто органическое, как бы живое», Анциферов пытался обнаружить в отдельных ее явлениях единую доминанту, названную им «*genius aevi*» — дух века, а в разных формах городского бытия — *genius loci* — дух места. Понятия «душа города», «городская душа» войдут в контекст размышлений многих художников, поэтов и мыслителей начала XX в.

Рассуждая о феномене города, Шпенглер не устал подчеркивать его активную враждебность природе. «Город бросает вызов земле. Своим силуэтом он противоречит линиям природы. Он отрицает природу. Он желает быть чем-то иным и высшим», — утверждал философ [11, с. 97]. Душа города, отделенная от души земли, пытается ее подавить и уничтожить. Эта мысль Шпенглера объясняет, почему для русского человека, у которого глубинные архетипы сознания хранят память о корневой связи с землей, город интуитивно воспринимался как враждебное начало. Душа города, отделенная от души земли, пытается ее подавить и уничтожить. Не случайно в литературе рождается образ города — спрута, захватывающего своими щупальцами все окружающее природное пространство: «град-осьминог, / грозен и строг, / встал над равниной и пашней»; «город-осьминог, / спрут пламенный, со щупальцами, жадный» (Э. Верхарн); города-тюрьмы (В. Брюсов), города-убийцы. В «урбанистических» произведениях Л. Андреева («Город», «Проклятие зверя», «Мои записки») он предстал как обезличенная враждебная сила, способная раздавить

маленького человека, одинокого и отчужденного в городе-мире; подчеркивалось противостояние условного существования городского человека и естественной природной жизни, конкретизированного в противопоставлении «города» и «дома», в пространстве которого возможна реализация личностной и творческой свободы.

Анциферов вполне разделял подобную трактовку. Утверждая, что власть городов над культурой и всею жизнью общества становится все более сильной, он отмечал, что «эта власть переживается большинством горожан тягостно. Душа горожанина все еще не хочет признать город своей родиной <...> и до сих пор сохраняет сильную тягу к вольной органической жизни деревни. Особенно это верно относительно нас, русских. В исконной земледельческой стране горожане были в городах временными постояльцами» [5, с. 14]. Вместе с тем ученый видел и другую тенденцию: гигантские социальные организмы формируют облик нового человека, погруженного не в созерцание, но одушевленного пафосом движения, действия, направленного на организацию внешнего мира. Родается воспитанная «мировым городом» душа нового человека, способного видеть красоту индустриального пейзажа: грандиозных небоскребов, легких и мощных мостов, грузоподъемных кранов, металлургических заводов, окутанных клубами пара и освещенных отблесками огня.

Подобный образ города приобрел особую актуальность после Октябрьской революции 1917 г., когда идеалом личности был объявлен человек-демиург, вооруженный техникой и физически преобразующий не только социокультурное пространство, но и природную среду. Этот круг идей, «носившихся в воздухе» и во многом сформировавших сознание человека 1920-х гг., нашел отражение и в концепциях «конструкторов» новой культуры Л. Троцкого и Н. Бухарина, и в «космической философии» К. Циолковского, и в творчестве молодого А. Платонова, и в упоении красотой технократического пейзажа в стихах поэта и теоретика Пролеткульта А. Гастева [13, с. 83–95]. Н. В. Корниенко справедливо отмечает, что литература этих лет представляла «новую топонимику России — Мирового города и индустриального пейзажа, где торжествует наука, техника и новый человек, сбросивший ветхие одежды прошлого» [4, с. 5]. Позиция Анциферова, отчасти совпадая с общей тенденцией, тем не менее несла в себе принципиальное различие: историк и графовец, он размышлял не об умозрительном проекте Будущего, но о бережном сохранении и изучении сформировавшегося лика культуры во всем его мимическом разнообразии. В ряде своих работ ученый неоднократно повторял о необходимости открывать красоту не только в достижениях великих зодчих, создавших великолепные дворцы, но и в стихийном сочетании доходных зданий, старых деревянных домишек, силуэтов колоколен, фабричных труб и церковных куполов. «Все, созданное человеческим духом, должно представлять объект, требующий изучения» [2, с. 6].

Идеи Шпенглера оказались важной составляющей концепции Петербурга, складывавшейся в петербурговедении в XX столетии, когда философы, историки, писатели воспринимают город не в духе сложившегося за предыдущие столетия «петербургского мифа», но как особый культурный феномен. Шпенглеровская концепция «исторического города» органически легла на историю возникновения и бытования Петербурга. Анциферов, размышляя о двух типах городов, в работе «Genius loci Петербурга» развивает и конкретизирует эту идею. Он также выделяет города, «что возникают стихийно, развиваясь свободно, подобно лесу, чьи корни уходят вглубь, до которой не докопаться лопате историка <...> обвеянную таинственными мифами», и города, создававшиеся в условиях развитой и сложной культуры, «вызванные к бытию общегосударственными потребностями, подобные парку с правильными аллеями, на устройстве которых лежит печать сознательного творчества человека» [3, с. 33]. К первым городам он относит Рим и Москву, ко вторым — Нью-Йорк и Петербург. «Перед нами город, возникший в эпоху зарождающегося империализма, в эпоху, когда мощный народ разрывает традиционные пути замкнутого нацио-

нального бытия и выходит на всемирно-историческую арену, мощно влекомый волею к жизни, волею к власти», — так характеризует Анциферов исторический смысл возникновения Петербурга [3, с. 14].

Размышления Шпенглера об оторванности души города от материнского лона земли были близки тому ощущению беспочвенности, отсутствия корней, бесприютности, бездомности, которое переживалось петербургским рефлектирующим сознанием и наиболее интенсивно было выражено в известном стихотворении И. Анненского «Петербург»:

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.
<...>
Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки [1, с. 233].

Оторванность новой столицы от истоков национального бытия, от исконной природы Русской земли становится для Анциферова отправной точкой в его размышлениях о судьбе города: «Столица на отвоёванной земле указывает на возможность бурного разрыва с прошлым, свидетельствует о революционности своего происхождения, об обновлении старого быта» [3, с. 4].

По Шпенглеру, появление городской жизни, обозначившей конец растительной связанности с землей, способствовало появлению идеи личностной свободы. Оторванность от земной плоти заставляла сосредоточиться на устремлениях духа. Поэтому новая литература, выдвигающая проблему личности в качестве главной, грезившая о «свободах» и улучшениях в духе романтического, а затем — социально-экономического, появляется благодаря городу. С Петербургом связывался Шпенглером и процесс рождения интеллигенции с ее «вычитанными проблемами и конфликтами», и утверждение в литературе нового героя — «маленького человека» с его «метафизической скорбью, со страхами и невротами... и постоянной тоской по земному простору и горькой ненавистью к каменному дряхлому миру, в котором замкнул его Антихрист» [11, с. 198].

Говоря о символах культуры, Шпенглер выстраивает в своей книге систему симметричных рядов — оппозиций: время — пространство, судьба — причинность, образ — понятие, история — природа, культура — цивилизация. В этот ряд включена и оппозиция «Москва — Петербург», для русской культуры далеко не новая, возникшая уже в конце XVIII в. и ставшая содержанием огромного количества научных и публицистических статей, философских и художественных эссе. Но в отличие от традиционных противопоставлений, как-то: бездушный, казенный, бюрократический, неестественно-регулярный, абстрактный Петербург и душевная, семейно-уютная, конкретная Москва; Петербург как цивилизованный европейский город и Москва как хаотическая, азиатская деревня; Москва как органическое, природное целое, возникшее естественным путем, и Петербург — начало искусственное, сугубо «культурное», вызванное к жизни насильственной волей отдельного человека в соответствии с рациональной схемой — Шпенглер предлагает принципиально иную основу для соотношения этих феноменов. Две столицы символизируют для него столкновение разных историко-культурных типов. Москва — это концентрация первобытной души русской культуры, нашедшей выражение в былинных песнях и героических сказаниях, столь не сопоставимых с европейской «фаустовской» душой. Это город-растение, и в его облике, подобно всем «ранним»

городам, не утрачена связь с растительно-космическим миром. Подобно дереву, рождение и существование которого вырисовываются вокруг ядра стволовыми кольцами, Москва, как большинство древних городов на Руси, выстраивается вокруг крепости — Кремля.

Петербург, по определению Шпенглера, — имперский город, мировая столица, город «как мир», который определяет смысл и ход истории и жизнь целой страны: сообщая стране, «чего ей желать и за что ей при известных обстоятельствах придется умирать» [11, с. 97].

Противопоставление Петербурга и Москвы, которое предлагает Анциферов в своей диссертации, сродни шпенглеровскому. И хотя он в своей характеристике пользуется свойственной времени «социологической» терминологией, для него эти города так же являются воплощением разных исторических типов культуры. Самый облик Москвы с ее помещичьими усадьбами, перенесенными в город, ее улицы, начинающиеся от Кремля или Красной площади и соединявшие город со страной, пересекавшие их лабиринты кривых переулочков и тупиков, в представлении ученого, — воплощение города докапиталистического типа, свидетельствующее о разобщенности жизни внутри него. Тогда как «Петербург является коммуникацией своего населения. В нем исчезли разобщенные миры, темпы накаленной жизни капиталистической эпохи расплавили их» [4, с. 50].

Действительно, в русском сознании Петербург с самого начала стал «культурным знаком», квинтэссенцией гуманистической культуры Нового времени, не случайно получившей название «петербургского периода русской истории». «Северная столица, естественно, становится символом русской государственности петербургского периода и разделяет с ней и любовь, и ненависть различных слоев русского общества», — делает вывод Анциферов [4, с. 142].

Москва мало интересует Шпенглера. Она, по его мнению, не имеет собственной души; ее душа растворена в земляном естестве. Тогда как Петербург для него — эмблематическое воплощение противоречий русской культуры и загадочного движения русской исторической жизни.

Шпенглер представляет Петербург как образец культурного псевдоморфоза. Термином «псевдоморфоз» (от греч. *morphe* — форма, вид) в геологии называют кристаллическое формирование, образовавшееся вследствие замещения одного вещества другим при сохранении формы кристалла, в результате чего возникают поддельные формы, кристаллы, внутренняя структура которых противоречит их внешнему строению, один вид минерала с чертами другого. Так и основание Петербурга, по мнению философа, стало историческим рубежом, с которого «следует псевдоморфоз, втиснувший первобытную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, и затем — XIX столетия». Вывод его таков: «народу, чье предназначение — еще поколениями жить вне истории, была навязана искусственная и неподлинная история, дух которой прарусскость просто никак не может постигнуть». «В краю с его изначальным крестьянством, как нарывы угнездились отстроженные в чужом стиле города. Они были фальшивы, неестественны, невероятны до самого нутра» [11, с. 197].

Шпенглер судит о судьбе России в традиции славянофильства (не случайно он цитирует Хомякова и Аксакова). Петербургский период истории и связанные с ним культурные начала он считает враждебными русскому духу. Петр Великий для него, безусловно, Антихрист, «злой рок» русской истории, насильственно навязавший стране чуждые ей формы государственности: «примитивный московский царизм в Петербурге был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы»; «тяга к святому Югу, к Византии и Иерусалиму, глубоко заложенная в каждой православной душе, обратилась светской дипломатией лицом, повернутым на Запад» [11, с. 197] и т. д. Философ остается в плену стереотипов европейского

мышления, считая, что Россия глубоко враждебна Западу и его основополагающим культурным ценностям: государству, праву, городам, промышленности. В неприятии западных ценностей коренится, по убеждению немецкого мыслителя, поистине апокалиптическая ненависть русских к Европе. Этим же объясняется и безусловная для него ненависть простого народа к Петербургу, ибо все, что возникает вокруг этого города, по его словам, воспринимается «подлинной русскостью как отрава и ложь» [11, с. 197].

Современный культуролог М. Эпштейн, обращаясь к шпенглеровской идее псевдоморфоза, когда «все вышедшее из глубин изначальной душевности изливается в пустые формы чужой жизни», объясняет им суть российской «гиперреальности». Петербург в его концепции предстает образцом постмодернистской эклектики и цитатности, а Россия — страной симулякров достижений европейской цивилизации [13, с. 90–91].

Действительно, глубинный смысл петровских преобразований — это попытка перенесения на русскую почву тех культурных форм, которые были выработаны в процессе длительного развития «гармонической» европейской культурой. Причем, делалось это с традиционным русским «нетерпением», не путем культурной эволюции, а посредством революционного слома. Однако нельзя не заметить, что принесенные с Запада формы в исторически короткий срок, на протяжении всего одного столетия, Россией были не только механически восприняты, но ею преобразованы. Чужой культурный опыт стал для русской культуры своего рода «языком» для выражения собственного содержания и великих прозрений. Петербург стал тем местом, где «национальное самосознание и самопознание достигло того предела, за которым открываются новые горизонты жизни, — справедливо полагает В. Топоров, — где русская культура справляла лучшие из своих триумфов, так же необратимо изменившие русского человека» [10, с. 8].

В этом смысле Петербург не только не враждебен русскому духу, но сам по себе становится знаковым феноменом русской культуры, получившей определение «пограничной», «бинарной», «дихотомичной», несущей в себе синтез Запада и Востока. О мессианизме Петербурга точно сказал Г. Федотов: «Запад, некогда спасший нас, потом едва не разложивший, должен войти своей справедливой долей в творчество национальной культуры. Не может быть безболезненной встречи этих двух стихий, и в Петербурге, на водоразделе их, она ощущается особенно мучительно. Но без их слияния — в вечной борьбе — не бывать и русской культуре. И хотя вся страна призвана к этому подвигу, здесь, в Петербурге, слышнее историческая задача, здесь остается если не мозг, то нервный узел России» [9, с. 56].

Октябрьская революция актуализировала размышления об исторической и культурной миссии Петербурга. «Петербургский период русской истории», обозначивший «процесс конгломерата народностей в единый государственный организм» и «вовлечение их в круговорот современной мировой цивилизации», был завершен. Победивший в России большевизм многими связывался с отказом от европейского пути развития и возвращением к земляному, скифскому, азиатскому началу. В трактовке значительной части литературы 1920-х гг. революция восстанавливала ценности допетровского бытия. «Первый император Российской равнины основал парадиз на гибельных болотах — Санкт-Питер-Бурх — последний император сдал императорский — гиблых болот Санкт-Питер-Бурх — мужичьей Москве», — формулировал смысл происходящего Б. Пильняк [8, с. 125].

Показательно, что и в исторических размышлениях Шпенглера русская революция — это бунт мужицкой России, результат инстинктивного стремления народа вернуться в лоно собственной культурной формы, уничтоженной петровскими реформами; это выражение народной ненависти к Западу и его символу — Петербургу. «То, что придало этой революции ее размах, — утверждает философ, —

была не ненависть интеллигенции. То был народ, который без ненависти, лишь из стремления исцелиться от болезни, уничтожил западный мир руками его же подонков, а затем отправит следом и их самих — тою же дорогой; не знающий городов народ, тоскующий по собственной жизненной форме, по своей собственной религии, по своей собственной будущей истории» [11, с. 200].

В данном контексте исследования Н. П. Анциферова, ставящие целью через познание внешности города постигнуть его «душу»; раскрывающие глубинную связь между Петербургом и Россией, представляющие Петербург как «очаг» русской культуры, приобретают особую значимость. Сформулированная О. Шпенглером концепция города как живого социально-исторического организма, являющегося лицом определенного типа культуры, продолженная Н. Анциферовым в его теории городов — «культурных гнезд» России, весьма актуальна сегодня для выстраивания стратегии презентации и развития города.

Литература

1. Анненский И. Петербург // Петербург в русской поэзии, XVIII — нач. XX в. Поэтич. антология / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. М. В. Отрадина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 233.
2. Анциферов Н. П. О методах и типах культурных экскурсий. Пг.: Начатки знаний, 1923.
3. Анциферов Н. П. «Непостижимый город...» / Вступ. ст. и примеч. А. М. Конечного, К. А. Кумпан. Л.: Лениздат, 1991. 333 с.
4. Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 581 с.
5. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Сеятель, 1926. 148 с.
6. Гревс Н. М. Дальние гуманитарные экскурсии // Экскурсионное дело. Пг., 1923. № 4.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Крупные города // Сочинения. М., 1929. Т. 3.
8. Пильняк Б. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.; Л., 1930. Цит. по: Петербургский текст. Из истории русской литературы XX в.: Сб. статей и публикаций / Под ред. А. Б. Муратова, А. А. Павловского. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
9. Федотов Г. П. Лицо России: Сб. статей (1918–1931). Paris: YMCA-press, 1967.
10. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство — СПб., 2003.
11. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М., 2003.
12. Шишкина Л. И. Произведения А. Платонова 20-х годов в контексте идей русского космизма // «Воронежский текст» русской культуры: Сб. статей. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011.
13. Эпштейн М. Постмодерн в России: литература и теория. М.: ЛИА Р. Элинина, 2000.

References

1. Annensky I. *St. Petersburg [Peterburg] // St. Petersburg in the Russian poetry, XVIII — the beginning of XX century. Poetry anthology [Peterburg v russkoi poezii, XVIII — nach. XX.v. Poetich. antologiya] / Collection, introduction and comments — M.V. Otradin. L.: Publishing house of Leningrad State University [Izd-vo LGU], 1988. P. 233. (rus).*
2. Antsiferov N. P. *On a methods and types of cultural excursions [O metodakh i tipakh kul'turnykh ekskursii].* Pg.: Rudiments of knowledge [Nachatki znaniy], 1923. (rus).
3. Antsiferov N. P. *"Incomprehensible city ..." ["Nepostizhimyi gorod..."] / Introduction and comments A. M. Konechny, K. A. Kumpan. L.: Lenizdat, 1991. 333 p. (rus).*
4. Antsiferov N. P. *Urbanism problems in the Russian fiction. Experience of creation of an image of the city — St. Petersburg of Dostoevsky — based on the analysis of literary traditions [Problemy urbanizma v russkoi khudozhestvennoi literature. Opyt postroeniya obraza goroda — Peterburga Dostoevskogo — na osnove analiza literaturnykh traditsii].* M.: Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences [IMLI RAN], 2009. 581 p. (rus).
5. Antsiferov N. P. *Ways of studying of the city as social organism. Experience of an integrated*

- approach* [Puti izucheniya goroda kak sotsial'nogo organizma. Opyt kompleksnogo podkhoda]. 2nd edition. L.: "Sower" [Seyatel'], 1926. 148 p. (rus).
6. Grevs N. M. *Distant humanitarian excursions* [Dal'nie gumanitarnye ekskursii] // Excursion business [Ekskursionnoe delo]. Pg., 1923. N 4. (rus).
 7. Marx K., Engels F. Large cities [Krupnye goroda] // Compositions [Sochineniya]. M., 1929. V. 3. (rus).
 8. Pilnyak B. *Collection of Works in 8 v* [Sobr. soch.: v 8t.]. V. 8. M.; L., 1930. Cited from: Petersburg text. From history of the Russian literature of the XX century [Peterburgskii tekst. Iz istorii russkoi literatury XX v]: Collection of articles and publications / under the editorship of A. B. Muratov, A. A. Pavlovsky. SPb.: Publishing house of St. Petersburg State University [Izd-vo SPbGU], 1996. (rus).
 9. Fedotov G. P. *Face of Russia*: collection of articles (1918–1931) [Litso Rossii: Sb. statei (1918–1931)]. Paris: YMCA-press, 1967. (rus).
 10. Toporov V. N. *Petersburg text of the Russian literature*: Chosen works [Peterburgskii tekst russkoi literatury: Izbrannye trudy]. SPb.: Art — SPB [Iskusstvo — SPB], 2003. (rus).
 11. Spengler O. *The Decline of the West: Perspectives of World History*. V. 2. Worldwide and historical prospects [Zakat Evropy: Ocherki morfologii mirovoi istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy] / Translation from German and comments I. I. Makhankov. M., 2003. (rus).
 12. Shishkina L. I. A. *Platonov's works of the 20th years in the context of ideas of the Russian cosmism* [Proizvedeniya A. Platonova 20-kh godov v kontekste idei russkogo kosmizma] // "The Voronezh text" of the Russian culture [«Voronezhskii tekst» russkoi kul'tury]: collection of articles. Voronezh: Science-Unipress [Nauka-Yunipress], 2011. (rus).
 13. Epstein M. *Postmodern in Russia: literature and theory* [Postmodern v Rossii: literatura i teoriya]. M.: Literature Publishing Agency of R. Elinin [LIA R. Elinina], 2000. (rus).